

Они плелись, равнодушно опустив головы. Поравнявшись с домом старого Гордю, замедлили шаг. Один из них присвистнул, подождал немного, а затем продолжил путь вместе со всеми. Малыш Солу глядел вслед этому странному скопищу людей круглыми удивленными глазами.

– Деда, смотри, деда! – вскрикнул Солу.

Но Гордю не отозвался. «Уснул, наверное», – решил малыш.

Улица словно вымерла: ни души. И эти люди. Кто они? Куда идут? Почему молча? Почему одни старики? Солу теребил непослушные рыжие кудри.

– Солу, Солу, – кто-то позвал малыша дрожащим шепотом.

Солу не шелохнулся. Он, словно замороженный, не сводил глаз с плетущихся стариков. Те приближались к линии горизонта – в глазах Солу они превратились в кишащую темную массу, – и наконец тонущее рыжее солнце заглохло: ничего уже нельзя было разобрать.

– Со-лу... – дрожал чей-то шепот.

Малыш очнулся. В мутном окне он увидел вытаращенные глаза матери. Вбежал в дом. Мать заплакала, приголубила своего маленького Солу и погладила его по рыжим непослушным вихрам. Плакала и гладила.

– Мама, ты что? Мама?

Но мать ничего не говорила. Наконец, будто что-то вспомнив, кинулась в темную комнатку. Солу – за

ней. На постели лежал дедушка. Малышу показалось, что старый Гордю спит: таким отрешенным было его лицо, – но глаза старика были открыты. Мутные, неживые глаза... Солу испугался, зажмурился. Мать быстрыми движениями принялась отвязывать веревку, которой дедушка был привязан к постели. Руки ее не слушались – Гордю еле слышно застонал.

– Что ты делаешь, мама? – Солу подскочил к матери, резко рванул веревку на груди дедушки. – Деда, деда!

Гордю не шевелился, его мутные глаза тупо уставились в потолок.

– Не мешай, сынок, – прошептала мать. Веревка лопнула. Дедушка даже не двинулся. – Пойдем, пусть он поспит.

– Он что, заболел? – Солу не отрывал глаз от тупого лица старого Гордю.

Малышу стало страшно: никогда он не видел дедушку таким.

– Нет, – покачала головой мать, – это старость.

– А они? Те?.. – Солу мотнул головой в сторону дороги, по которой плелись старики, прежде чем их заглохло солнце.

Мать прижала малыша к себе и долго и горячо дышала ему в макушку.

– Иди поиграй, сынок, – выговорила она наконец.

– Ну мам... – затащил было Солу, но мать пошла готовить ужин, загремела кастрюлями.

Солу выглянул в окно: на улице пустынно – вымерли они все, что ли? Пошатался по дому: дедушка уснул и смешно постанывал, пуская пузыри, мама стряпала лепешки.

– Мама, – позвал. Мать не откликнулась. Глянул на выцветший снимок, что висел на стенке: широкоплечий черноволосый мужчина с густой бородой и смеющимися глазами – таким когда-то был Гордю. Потрепал плюшевого медвежонка Ёило, с которым играла еще его мать. Зевнул. – Ма-ма...

Но вместо маминого голоса до малыша донеслось только какое-то шкворчание и пыхтение. Пахло прогоркшим маслом.

Солу толкнул дверь ногой. Вышел на улицу. Никого. Только следы на пыльной дороге, по которой плелись те, старики... Малыш вставил свою маленькую босую лапку в распластанный пыльный след. Куда они шли?..

Следы вели на пастбище. Солу знал, что там пасутся чьи-то овцы, лошади, коровы, козы. Но мама туда не пускала: «Ни в коем случае! Далеко, а ты маленький – заблудишься». Поговаривали, что животные эти... Но как только Солу округлял свои глазки: ну, что, мол, они такого делают, эти ваши животные? – взрослые опускали глаза: мол, вырастешь – узнаешь. Когда он уже вырастет?.. Время, как казалось малышу, созревало медленно-медленно, вот как яблонька, что растет во дворе, еще дедушка посадил: попробуй дожись, когда она принесет первое яблочко...

Жарко. И эти глупые животные лежат на траве и помахивают хвостиками, мух отгоняют. Глаза у них какие-то мутные, пустые... И пастуха никакого нет. А Солу знал, что коров, овец и прочую живность пасет пастух – дедушка рассказывал. «Эй, – крикнул малыш, – ты где?» Но никто не ответил ему, даже коровы не мычали и овцы не блеяли – лежали и еле заметно помахивали хвостиками. Не страшно совсем... и страшно, очень страшно!

– Солу! – закричал кто-то над самым ухом малыша, который стоял, словно зачарованный, и не мог двинуться с места. – Я с ног сбилась: ищу тебя! Сейчас же домой! Сейчас же!

Мама – мокрая, растрепанная, нос в муке (смешная какая!) – схватила Солу за шкуру и потащила, будто малыш был собакой, а не человеком.

– Мне больно! – завопил Солу. – Больно!

Но мама тащила его за шиворот и бурчала под нос: «с ума схожу, а он!», «дедушку одного оставила», «наказывать пора».

Еле доковыляли до дома. Наелись горячих лепешек с молоком – все вместе: Солу, мама, дедушка.

Дедушка был будто прежний: ел за троих, шутил, трепал своего Солу-лу (только он так называл малыша) по рыжим вихрам – но вдруг замирал, к чему-то прислушивался (и глаза становились неживые, страшные)...

– Мама, а что это за животные там, на пастбище? Такие странные, – приставал малыш, уже лежа в постели.

Мама сидела рядом, гладила своего рыжего малыша по головке, напевала что-то монотонное.

– Спи давай, – злилась мама. – Дались тебе эти животные.

И Солу уснул. Снилось ему... забыл что, но что-то очень хорошее, потому что мальчуган улыбался во сне, лопотал и проснулся поздно. Крикнул:

– Мама, – но мать не отозвалась: на работу ушла.

Воскресенье закончилось – начался понедельник (Солу не любил понедельники).

– Де-да, – позвал малыш.

Старый Гордю закричал, зашаркал подошвами по полу, плюхнулся, словно пустой мешок, на постель Солу.

– Деда, скажи, а почему мама вчера привязывала тебя к кровати? Ты что, можешь упасть?

Гордю по-стариковски потрясывал головой, и казалось, что он смеется.

– Ну деда, ну чего ты молчишь?

– Пойдем лучше кашу есть, Солу-лу. – Гордю поковылял на кухню, загремел тарелками.

– Не хочу!

Солу представил себе серый стылый комок каши, однако поплелся за дедушкой...

Лето таяло на глазах. Уже и листья шуршали под ногами. И как-то внезапно темнело, будто темнота с неба падала. Да и холодновато стало играть во дворе. Поэтому малыш Солу играл с Ёило в доме. Старый Гордю сопел, сидя в кресле. Мать чистила картошку, напевала себе под нос. Скука страшная. Солу встал, подошел к окну. Серость – не видно ничего. Малыш прижался губами и носом к холодному стеклу. Какая-то масса шевелилась вдали, казалось, это облако упало с неба и тащится по дороге...

– Ёило, тебе не скучно? – спросил малыш у медвежонка.

Тот молчал, привычный ко всему. В груди его была кнопка: нажимаешь на нее – и раздается голос. Но со временем голос превратился в тонкий писк – и исчез. Солу этого голоса уже не слышал. Но давил на грудь медвежонка снова и снова, в надежде на то, что его старый друг издаст хоть какой, но звук. И звук раздался. Странный какой-то свист. Тихий – и далекий.

– Йило, Йило! – закричал Солу. – Ты говоришь! Мама, ты слышала?

И вдруг старый Гордю очнулся, глаза его загорелись. Он вскрикнул – и выбежал из дома в темноту. Полуочищенная картофелина выкатилась из материнских рук, поскакала по полу. Мать остолбенела.

– Сегодня же воскресенье... как же я могла... Папа, папа! – застонала и рванулась следом за старым Гордю.

Солу вытаращил глазенки, схватил за ухо Йило. Минута – и он бежал по пыльной дороге своими маленькими ножками, обутыми в тряпичные тапочки. А перед его глазами копошилась серая масса...

– Ма-ма! – надрывно кричал малыш.

Никто не отзывался, мать слилась с этой серой копошащейся массой. Темнота поглотила их лица – ничего нельзя было различить. Обливаясь слезами и соплями, Солу перебирал ножками, боясь потерять из виду эту массу, ползущую по пыльной дороге. Масса поравнялась с тусклым фонарем, он осветил старческие седые головы. Они свисали на грудь – словно хребет, который должен удерживать их, обломался. Как ни силился Солу, он не разглядел ни лица бабушки, ни лица мамы. Но какая-то неведомая сила двигала его ножками по пыльной дороге...

Они доплелись до пастбища, когда было уже темно. Но глаза Солу привыкли к темноте, и малыш видел, как копошащаяся масса словно бы накрыла собой землю. Они лежали почти без движения, лишь слегка посапывали.

– Мама, бабушка! – еле слышно позвал Солу.

Никакого ответа. И никакого движения.

Прижимая к груди Йило, малыш бегал по пастбищу, вглядывался в лица лежавших. Ему казалось, что лица эти похожи одно на другое. Его маленькое тельце тряслось не то от страха, не то от холода.

– Йило, ну скажи хоть ты что-нибудь...

Но Йило молчал, сколько ни давил малыш на его плюшевую грудь.

Малыш вымотался, ему смертельно хотелось спать – он лег между двумя стариками: так было теплее. Страх притупился – на его место пришло тупое безразличие. Солу заснул.

Проснулся утром от того, что кто-то пыхтел под боком. Зевнул, раскинул руки – уткнулся во что-то горячее и мягкое. И пахло какой-то псиной. Солу открыл глаза и увидел, что лежит между огромным быком и лохматой овцой... Малыш подскочил. Бык и овца даже не дернулись – лишь изредка помахивали хвостами и казались совершенно безбидными. А рядом с ними лежали такие же быки, коровы, овцы, бараны, козы... Целое пастбище...

А где старики, с которыми он вчера пришел на пастбище? Где мама? Дедушка?..

Он все понял. Он закричал каким-то диким голосом, он вскочил и бегал по пастбищу в поисках живой души... Но животные хрипели, помахивая хвостами. А потом и вовсе затихли. Сдохли... Перед Солу лежали куски мяса, над которыми роем летали мухи...

– Не хочу, не хочу! – кричал Солу и отгонял мух, которые роились над его головой. – Мапочка, мама! – Мама не отзывалась. – Деда...

Малыш, обессилев, сел на землю, прижимая к груди Йило. Сколько он так просидел, уставившись в одну точку? – кто его знает. Когда он поднялся, животных не было. Одни мухи. Куда они делись, эти быки, овцы, бараны? Сквозь землю, что ли, провалились?..

Малыш брел домой. Там его никто не ждал...

Проходил мимо соседского дома – его окликнула красивая Аю. Такая же златокудрая, как и Солу, только уже совсем взрослая.

– Эй, сюда! Иди сюда!

Аю и Солу стояли друг против друга у калитки – и казалось, это два солнца взошли на небо: одно ниже, другое – выше.

– Я знаю тебя, – сказала Аю. – Ты Солу, внук старого Гордю.

– Да-а-а-а... – Губки Солу затряслись, личико покрылось красными пятнами, малыш изо всех сил старался сдержать слезы перед девочкой, но не смог – они хлынули потоком.

– Не плачь, ну пожалуйста! – Аю потрепала Солу по растрепанным кудрям. – Пойдем к нам.

Солу приняли как родного, накормили, обогрели.

– И со мной скоро случится то же самое, – тихим голосом заговорила бабушка Аю, старая Рилэ. – И меня тогда уже не удержать...

Солу глядел на нее своими круглыми глазами и ничего не понимал.

– Так устроено: когда ты становишься стар и немощен, ты превращаешься в бессловесное травоядное животное и исчезаешь бесследно. Так устроено.

– Но кем это устроено? – в отчаянии закричал Солу. – И почему тогда умерла моя мама?

– Твоя мама хотела остановить ход вещей, сынок, – улыбнулась Рилэ. – Ей нужно было просто отпустить Гордю, но она не захотела... – Рилэ выдохнула, уставилась в одну точку, потом очнулась. – Ты спрашиваешь, кем это устроено? Никем... Над нами нет никого – все уже давно происходит само собой. Главное – не вмешиваться в ход вещей...

- То есть если ты сама не пойдешь с ними, ты не превратишься в корову... ну, или в овечку? А останешься живой?
- Наверное... – спокойно ответила Рилэ. – Но я не хочу. Я пойду со всеми на пастбище, когда придет время...
- А когда оно придет? – Солу замер.
- Я узнаю, сынок, узнаю...

Солу остался у Аю и Рилэ.

- Живи у нас, – сказала златокудрая Аю. – И знаешь... я с тобой! Я тоже не хочу, чтобы бабушка превратилась... в корову... Мне не нравится этот ход вещей...

Давно уже царила зима. Был ясный воскресный денек. Аю и Солу ловили губами снежинки, а бабушка Рилэ смотрела на детей из окна. Ноги стали слабые, почти не выходила из дома. Весной Аю должно исполниться пятнадцать – и она пойдет работать. Так принято. Пусть порезвится пока...

В кастрюле варилась картошка, пару селедок принес сосед Силойю, в печке потрескивало полено – еда есть, в доме тепло (покойный Мизру, муж Рилэ, запас дров – на зиму хватит), Аю с Соло рядом, чего еще желать? Разве что смерти... Рилэ почувствовала ее присутствие. Внезапно. Оно словно обожгло ее. Старуха будто вспомнила о том, что пора умирать... и тут же обо всем позабыла. Она стремительно выбежала на улицу в домашнем халате и тапочках (откуда только силы взялись), не слыша и не видя Аю с Соло, резвившихся во дворе.

- Бабушка! – вытаращила глаза Аю. – Бабушка, стой, сто-о-ой!

Но старуха словно с цепи сорвалась – оттолкнула Аю и Солу и ринулась куда глаза глядят. Малыш грохнулся на липкий снег, заплакал от боли. Медвежонок Йило, с которым не расставался рыжеволосый мальчуган, валялся рядом: брюхо его было распорото – и оголилась красная кнопка. Но Йило молчал... Корчась от боли в ноге (видно, когда пал, подвернул), малыш глядел на бесформенную массу, к которой присоединилась старая Рилэ. Аю бежала следом, махала руками, что-то пыталась доказать...

- Аю, Аю! – застонал Солу.

Но Аю проглотила эта кишася темная туча... Малыш знал, что будет дальше. Он не хотел видеть свою Аю рыжегривой коровой или покорной овцой. Но ход вещей не остановить. Так сказала старая Рилэ. Главное, не вмешиваться...

Солу едва доковылял до дома Рилэ. Никого. Только ставни стучат. И в соседнем доме, где он жил с мамой и дедушкой, тоже пусто... Люди мало общались друг с другом. Так было принято... Каждый огорживал свой мирок, в который никого не пускал. Солу не так давно жил на этом свете. Ничего, кроме своего мирка, он не знал. И вот теперь он стал задумываться: почему все так устроено, почему люди не сопротивляются, почему?..

- Йило, ну скажи что-нибудь...

Красная кнопка призывно... молчала... Солу забрался с ногами на постель старой Рилэ (почему-то в свой дом он идти не хотел: там еще сохранялся дух бабушки и мамы – и малыш боялся, что не выдержит – расхныкается, словно девчонка, а он не хотел хныкать, он хотел бороться). Пахло чем-то ветхим и неизменным... Солу прижал к себе Йило и молча сидел. Долго сидел. Потом заварил крепкого чаю (крепкий чай любил дедушка, старый Гордю: пил горячим, пыхтел, качал головой).

Он жил в доме старой Рилэ. Колод дрова, сажал картошку. Когда ему исполнилось пятнадцать – пошел работать: таскал воду. Молча заходил в дома людей, заполнял водой бочку – и ехал дальше. На старой телеге, которая скрипела, словно бы стонала... И Йило поскрипывал вместе с ней: с тех пор, как Солу стал жить в доме Рилэ, он не расставался с медвежонок. Люди привыкли к рыжему молчаливому водовозу, как привыкали ко всему, что происходило в их жизни. Ход вещей, говорили они, его не остановить. Так надо.

Много раз он видел, как старики кишасей тучей тянулись на пастбище, много раз он бежал следом, пытался остановить стариков, кричал «Вас никто не держит, вернитесь домой!», хватал их за руки – но каждый раз повторялось одно и то же: совершенно отупевшие старики какой-то неведомой силой доплетались до пастбища, ложились, засыпали и превращались в животных, а потом исчезали... Но Солу эта неведомая сила не брала... Он думал, думал.

Рыжая борода пробивалась на подбородке, кожа грубела, голос стал низким, словно туман, который стелется по земле.

- Какой ты красивый, Солу! – сказала юная Инро, тоненькая, с соломенным волосами и прозрачными глазами.

Она ждала, пока Солу наполнит ее бочку водой, и глядела, глядела. Глядела – совершенно не смущаясь.

И Солу глядел на воздушную Инро во все глаза. Вода лилась через край, а Солу с Инро стояли друг

против друга и улыбались. Когда рыжеволосый Солу коснулся руки прозрачноокой Инро, он вздрогнул.

- Я хочу жениться на твоей дочери, – сказал Солу отцу Инро, рыбаку Силою.
- Но у нас так не принято, – изумился Силою. – Разве ты не знаешь?
- Скажи, как принято, – и я женюсь на ней, – не унимался Солу.
- Ты не сможешь на ней жениться, – рассмеялся Силою.
- Но я люблю Инро! – закричал Солу.
- Любит он! Мало ли кого ты любишь! Она моя дочь, единственная дочь! И она останется со мной, пока я не отдам концы. Так у нас принято. Будешь ли ты любить ее потом?

Всю ночь Солу не сомкнул глаз. Сидел, уставившись в одну точку, прижав к груди Йило. Под утро в окно кто-то постучал. У Солу забилося сердце. Он выскочил за дверь и увидел тоненькую Инро: она была в легком платье цвета травы, ее соломенными волосами играл ветер – и она была похожа на прекрасный цветок, который гнется под напором стихии.

- Они идут, Солу, они идут! – Девушка показала на кишашую серую массу, которая медленно двигалась по пыльной дороге.
- Да провалились бы они сквозь землю! – в сердцах крикнул Солу, схватил Инро за руку и затащил ее в дом.

Она совершенно не сопротивлялась, когда он целовал ее в губы, – только смотрела своими прозрачными глазами и улыбалась. Сама сняла платье цвета травы, сама легла на большую железную кровать, на которой спала покойная Рилэ.

Солу почему-то представил, как безропотные старики идут по дороге на пастбище, как превращаются в животных, как умирают... Затряс рыжей головой: он не хотел ничего знать! Он готов был умереть сейчас, только бы быть с Инро, только бы быть с ней!

- Любишь ли ты меня? – спросил он воздушную Инро.
- Люблю! Люблю! – крикнула она и сама поцеловала Солу.
- А если мы умрем?
- И пусть, и пусть!

Личико ее покрылось испариной, прозрачные глаза светились, волосы взмокли. Ей было больно, и она терпела, сжав зубы, но потом закричала: сначала тихо, потом громко. И Солу закричал вместе с ней. Они кричали о своей любви, о том, что им

некуда бежать, о том, что они вместе, но одни во всем белом свете...

Когда рассвело, они вышли рука об руку из дома Рилэ и пошли по пыльной дороге. Пошли куда глаза глядят. Будь что будет...

Ноги привели их на пастбище... Остробородый человек сидел под деревцем и отмахивался от назойливых мух гибкой веточкой.

- А где старики? – заикаясь, спросил Солу. – Много, целая туча...
- А кто кричал? – ответил вопросом на вопрос человек. – Я проснулся от какого-то крика...

